

А. А. Башкирова

ОСОБЕННОСТИ МАЛОЙ ПРОЗЫ ЮКИО МИСИМЫ

В статье рассматриваются особенности малой прозы в рассказах Юкио Мисимы, анализируются основные произведения автора («Цветы щавеля», «Смерть в середине лета», «Любовь святого старца из храма Сига», «Море и закат», «Газета», «Патриотизм») и выделяются ключевые темы и образы. Основное внимание уделяется темам отчуждённости, одиночества и эстетики смерти.

Ключевые слова: Юкио Мисима, рассказ, смерть, эстетика, восприятие.

Кимитакэ Хираока, более известный под литературным псевдонимом Юкио Мисима, был выдающимся японским писателем. Его творчество отличается многогранностью: он создавал произведения различных жанров, включая серьёзные литературные труды и многочисленные литературные сериалы о любви, которые были ориентированы на женскую аудиторию и публиковались в журналах.

Кимитаки в переводе с японского означает «благородный», фамилия Хираока имеет крестьянские корни. Писатель явился на свет в эпоху, когда в стране происходили значительные перемены, Япония переживала конец эпохи Мэйдзи. Семья писателя представляла собой сочетание уходящего в прошлое уклада и нарождающегося нового мироустройства [3].

К моменту рождения Мисимы материальное положение семьи было крайне тяжёлым. Писатель воспитывался в атмосфере бытовой трагедии. Из-за психической болезни бабушки он рос в изоляции от собственной матери и сестры. Большую часть своей юности он провёл в спальне своей бабушки, где нашёл богатую коллекцию книг, которые пробудили в нём интерес к классической японской литературе и стали основой для его собственных идеологических взглядов. Отец не одобрял его занятия литературой, считая это дегенеративным искусством. Именно в детские годы формируется его стиль как писателя. В большинстве своих произведений он описывал трагические судьбы персонажей, которые в финале погибали [5, с. 40–49].

Первый опубликованный рассказ Юкио Мисимы датируется 1938 годом и был издан в журнале «Школы пэров».

Рассказ «Цветы щавеля» полон символизма. Главный герой — ребёнок, как и щавель в японской мифологии, является символом чистоты. Ребёнок призван очистить душу сбежавшего заключённого, который был повинен в

смерти своего сына. Дитя задаётся вопросом: «Вы, наверное, узник, и вы что-то забыли в своей тюрьме? А когда найдёте, то снова выйдете?», автор намекает, чтобы покинуть «...серый брошенный дом на холме, что зовётся “тюрьмой”», преступник должен принять свою судьбу и вернуться обратно, покаяться, и только тогда «...дьявол, убивший ту бедную чайку...» сможет найти спасение. Проходит год, и из тюрьмы выходит «освобождённый» человек, не только физически, но и духовно. И вновь его встречают дети, но их родители не видят искупления некогда заключённого и уводят детей прочь. А он раздаёт им на прощание щавель, и у каждого ребёнка оказывается в «...правой руке — по цветку...», что может говорить о начале новой жизни. В этом произведении также затрагивается философский вопрос о том, имеет ли право преступник, осознавший свою вину и раскаявшийся, на прощение и любовь [2, с. 841–843].

В мае 1952 года Юкио Мисима публикует «Смерть в середине лета», повествование о событиях ведётся от лица рассказчика. В центре сюжета — реакция семьи на внезапные смерти во время отпуска детей и родственницы, которые произошли в один и тот же день. В основе повествования — пара, переживающая глубокий духовный кризис, вызванный утратой близких. Томоко Икута и Томоко Масару — главные герои этой истории, их горе и страдания становятся основой сюжета. Писатель затрагивает тему эгоизма человека и вины. Икута ощущает на себе бремя вины за произошедшее несчастье, ей кажется, что все вокруг осуждают её: «А все только молча меня осуждают! Они думают, что это я во всём виновата!» Икута испытывает гнев от того, что никто не понимает её; размышляя о смерти близких, она предаётся самобичеванию и считает, что её горе должно сопровождаться особыми привилегиями [2, с. 792–793].

Муж же более сдержан в своих чувствах, но при этом его не покидает мысль о несправедливом отношении к нему со стороны общества: «...мир продолжал жить так, будто ничего не случилось. <...> Масару подумал, что из всех пассажиров нет никого несчастнее, чем он. <...> Вот и Масару с трудом сдерживался, чтобы не объявить пассажирам: “Эй, господа! Вот вы сидите тут и не знаете, что я сегодня лишился двоих детей, да ещё и сестры в придачу!”» [2, с. 788–789].

По прошествии двух лет после трагических событий жизнь главных героев практически вошла в привычную колею. В произведении присутствует кольцевая композиция, которая возвращает читателя на пляж, где произошла трагедия. Тем самым автор демонстрирует попытку главных героев окончательно примириться с произошедшим.

Во время рассказа Мисима также подчёркивает скудность и несовершенство человеческих чувств: «...один человек погиб или десять, все слёзы льют одинаково...» [2, с. 793].

В этих строках можно усмотреть эволюцию авторского восприятия действительности. Если в период войны Мисима преимущественно обращается к романтическому стилю, воспевая героические подвиги и возвеличивая участников сражений, то с течением времени его взгляд на войну становится всё более критическим. Автор начинает видеть в ней не только благородство и героизм, но и вульгарность, а смерть, прежде воспринимаемая как нечто возвышенное, становится обыденностью, вытесняя из сознания людей «сражения в духе прошлого». После краха и слома национальной культуры Японии и путешествия по миру Кимитакэ Хираока постепенно переходит к реализму. В этом же произведении можно увидеть нигилистические идеи автора, которые он перенимает у Ф. Ницше [5].

В рассказе «Любовь святого старца из храма Сига» центральной темой становится внутренний конфликт между мирскими удовольствиями и религиозными убеждениями. Главный мужской персонаж — старец — представляется читателю «как монах высочайшей добродетели», который уже скоро сможет достичь просветления и попасть в «Чистую землю». Никакая земная жизнь не сравнится с теми наслаждениями, которые он обретёт взамен своего аскетического пути. Но стоило ему лишь на мгновение узреть императорскую наложницу: «...душевный покой, умиротворённость рассыпались в прах...» Императорская наложница, являвшая собой образец изысканности и благородства, снискала известность своей красотой. В рассказе автор не напрямую обращается к читателю с вопросами: что есть жизнь, лишённая красоты? Возможно ли вообще говорить о жизни в таком контексте? Старец жаждет новой встречи с наложницей, уповая на то, что она поможет ему обуздать свои чувства. С каждым днём он всё больше превозносил наложницу, и её образ для него слился «...воедино с Райским Лотосом... Чем выше и недоступнее возносил старец свою любовь, тем больше предавал он Господа...» Для старца грехопадение было равносильно смерти души, и он понимал, что не сможет достичь просветления, пока не очистит свою жизнь от порока. С этой целью он отправился во дворец Кёгоку. Когда он увидел наложницу, «тело его содрогалось от рыданий» и он наконец-то смог прикоснуться к объекту своего вожделения, а затем, не проронив ни слова, ушёл и вскоре тихо скончался в своей келье. Наложница же на следующее утро внезапно ощутила просветление:

ей показалось, что руки старца, которые касались её, были руками самого Будды [2, с. 753–769].

В ходе повествования персонажи подвергают переосмыслению свои представления о рае и грехе. Мисима подталкивает читателя к мысли, что духовная чистота может быть уничтожена низшими желаниями человека. В данном произведении отчётливо прослеживается позиция автора, заключающаяся в том, что красота вызывает экстаз, который, в свою очередь, может привести к смерти.

Рассказ «Море и Закат» был написан в 1955 году. Он ведётся от лица монаха под именем Ан-ри, который рассказывает глухонемому историю из своего далёкого прошлого. В 1212 году Ан-ри явилось видение от Господа, где он был назван спасителем. Ему была поручена миссия — собрать детей и отправиться в Иерусалим через Средиземное море, которое, согласно видению, должно было раздвинуть свои воды и пропустить их прямо в Святую землю. Ан-ри, следуя воле Господа, отправился в детский крестовый поход, но вместо ожидаемого счастья столкнулся с многочисленными лишениями и страданиями. Лишь отрёкшись от своей христианской веры и начав изучать истины буддизма, которые ему открыл «дзэнский наставник Дайгаку», его спаситель, главный герой обрёл душевное спокойствие [2, с. 770–778].

«Море и Закат» — это аллегорическая история. В рассказе противопоставляются Восток и Запад, прошлое и настоящее. В этот период Мисима, подобно старцу, преисполнен сожалениями и тоже вынужден отвергнуть западную цивилизацию [4].

Ближе к 1960-м годам японцев настигает рефлексия о поражении во Второй мировой войне. Юкио Мисима, который после своего путешествия проникся западными идеями, всё больше обращался к истокам японской культуры. В 1968 году Кимитакэ Хираока основывает «Общество щита» и содержит его на свои деньги. Членов для общества он отбирает в основном из студентов-монархистов, в основу идеологии общества ложится стремление к восстановлению сакрального смысла императорской власти и возрождению самурайского духа. Для него императорский двор является единственным источником красоты. Однако, несмотря на это, Мисима заказывает для членов своего общества дизайнерскую французскую форму. В его идеалах происходит смешение японского традиционализма и западной культуры.

В рассказе «Газета» Юкио Мисима критикует новые жизненные ценности японцев и акцентирует внимание на отрицательных аспектах вестернизации. Юкио Мисима строит рассказ на контрастах.

В центре повествования — Сатоко, девушка, обладающая природным обаянием, прожившая всю жизнь в достатке благодаря отцу; она замужем за известным киноактёром.

Муж главной героини олицетворяет собой западный образ жизни, на что указывает его приверженность к американскому стилю одежды, предпочтение автомобиля марки «Нэш» и склонность к ночному образу жизни.

В основе сюжета — размышления героини об инциденте, случившемся в её доме. Женщина, которую они наняли для ухода за своим сыном, родила внебрачного ребёнка прямо в их гостиной. О своей беременности она не сообщила хозяевам вплоть до самых родов, объясняя свой большой живот растяжением желудка. Сатоко огорчена упадком моральных ценностей в японском обществе, что выразилось в циничном отношении к новорождённому ребёнку и его матери. Муж, делясь этой историей, не акцентирует внимание на мотивах поступка «няньки». Он осуждает её с друзьями и лишь сожалеет о том, что ребёнок родился здоровым: «Ох, не знаю — для неё, может, лучше бы мёртвый!» Это происшествие у мужа Сатоки не вызывает глубоких этических переживаний, для него это лишь забавная история, приключившиеся с ним на днях. Такое поведение автор связывает с западным влиянием на страну: наводнившие Японию американцы способствовали разращению общества [2, с. 846].

В отличие от супруга, Сатока не испытывала неприязни к няне. Она лишь проявляет сочувствие к ребёнку, которым пренебрёт даже врач, принимавший роды. Он завернул малыша в старые газеты и положил его на пол. Сатоко не смогла остаться равнодушной, она запеленала ребёнка в фланелевую тряпицу и уложила его в кресло. После этого инцидента она невольно стала предаваться размышлениям о том, какая участь уготована тому, чьё рождение было встречено столь презрительно. Этот ребёнок олицетворяет собой разрушение традиционных моральных устоев Японии, так как он был рождён вне брака.

В своих мыслях о грядущем она сравнивает своего ребёнка и ребёнка няни. Сатоко словно проводит черту между ними, определяя их будущее социальное положение. Её ребёнок, по её мнению, вырастет «нормальным человеком», в то время как «несчастный» будет влачить «ужасное существование». В результате размышления Сатоко о ненужном ребёнке и его дальнейшей судьбе воплотились в образе бездомного мужчины, который спал на скамейке, окружённый газетами. Он предстаёт перед читателем как символ преступлений и позора [2, с. 848].

Сатоко не смогла сдержать своё любопытство и разбудила юношу, который схватил её за руку. Конец истории открыт и оставляет читателя в неведении о дальнейшей судьбе главной героини.

В рассказе также противопоставляется красота и уродство. В Японии сакура — символ духовной красоты и чистоты, но при этом она цветёт в окружении мусора и голых электрических лампочек, что показывает упадок японской культуры [2, с. 849].

Рассказ «Патриотизм» начинается с упоминания путча 1936 года, когда молодые офицеры подняли мятеж против либералов, после провала многие из них совершили сэппуку — ритуальное убийство, которое в японской культуре рассматривается как «окончательное волеизъявление человека, которое призвано защитить его честь» [1, с. 122].

В центре повествования — два главных героя: Синдзи Такэяма (поручик гвардейского транспортного батальона) и его жена Рэйко. В результате внутреннего конфликта Такэямы супруги совершают акт двойного самоубийства. Он не может выступить против мятежников, поскольку среди них есть его друзья, но и послушаться приказа он тоже не может. Единственным способом сохранить честь для него становится харакири. Автор вновь играет на противоречивых понятиях: возвышенное чувство любви, смерть и секс, который явился высшей точкой экстаза в преддверии неизбежной смерти.

Юкио Мисима не лишает главных героев человеческих чувств, он не делает из них близких людей, которые не сомневаются в своих решениях: «Собственная воля и мужество, казавшиеся несокрушимыми до того, как клинок впился в тело, вытянулись тонкой стальной ниткой...», но человек, верный своим идеалам, никогда их не предаст [2, с. 836].

В произведении содержится идея того, что насильственная смерть — это красиво при условии, что тело его будет молодо. В 1966 году по мотивам рассказа был снят фильм, где Юкио Мисима сыграл главную роль. События рассказа, как мы видим, в дальнейшем перекликаются с его собственной жизнью.

Таким образом, Кимитакэ Хираока, создавая свои произведения, принимал во внимание исторический контекст, будучи приверженцем самурайской культуры и власти императора, полагал, что возрождение прошлого способно помочь преодолеть кризис японской культуры. Однако он упустил из виду, что страна, в которой он вырос, претерпела значительные изменения. Новые ценности, такие как автомобили, имущество и деньги, стали доминирующими в обществе. В связи с этим его выступление 1970 года,

посвящённое прошлому, не нашло поддержки среди молодых офицеров. Его работы — это связующее звено между культурами Востока и Запада, а также между прошлым и настоящим. Заложенные в его рассказах идеи заставляют задуматься о смысле жизни и месте человека в мире. Многослойность его произведений открывает пространство для разнообразных интерпретаций, что делает их привлекательными для широкой аудитории.

В своих произведениях Юкио Мисима обращается к философским рассуждениям о жизни и смерти. В основе его произведений лежат вопросы экзистенциального характера. В рассказах он часто прибегает к символизму и метафорам, через которые выражает противоречивую сущность человека. Он затрагивает темы болезней и уродства, стремясь подчеркнуть эфемерность человеческого бытия и неизбежность страданий и бренности существования. Также он часто прибегал к метафоре хризантемы (искусства) и меча (боевой традиции Японии). Эстетика Мисимы была пронизана красотой смерти и крови — образом прекрасного юноши, который умирает в расцвете сил. Для него жизнь и смерть не являются взаимоисключающими понятиями, а представляют собой две стороны единого бытия [5, с. 62–63].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Книга Самурая. Бусидо / [пер. с яп. Котенко Р. В., Мищенко А. А.]. — Санкт-Петербург : Евразия, 2000. — 320 с. — Содерж.: Будосёсинсю / Юдзан Дайдодзи. Хагакурэ / Ямямото Цунэтомо. Хагакурэ Ньюмон / Юкио Мисима.
2. Мисима, Юкио. Смерть в середине лета : [романы, драмы, рассказы] / Юкио Мисима ; [пер. с яп. Г. Чхартишвили, А. Вялых, Ю. Ковалениной]. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 857, [3] с.
3. Шидэ, Ф. Влияние основных направлений политики периода мэйдзи на развитие населения Японии 1850–1912 гг. / Ф. Шидэ // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 8. — С. 92–96.
4. Mitgang, H. Books of The Times; Prophetic Stories From Mishima / Herbert Mitgang. — Текст : электронный // The Times. — 1989. — November, 25. — P. 16. — URL: <https://www.nytimes.com/1989/11/25/books/books-of-the-times-prophetic-stories-from-mishima.html> (дата обращения: 14.12. 2024).
5. Scott-Stokes, H. The life and death of Yukio Mishima / H. Scott-Stokes. — New York : Farrar, Straus and Giroux, 1974. — 392 с.